

ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИТ В ВЕРХАХ КПСС?

М ю н х е н

**Издание Союза Борьбы за Освобождение Народов России
С Б О Н Р**

ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИТ В ВЕРХАХ КПСС?

М ю н х е н

**Издание Союза Борьбы за Освобождение Народов России
С Б О Н Р**

*Verlag „Golos Naroda“, München 13, Schwere-Reiter Str. 39.
Kampfbund für die Befreiung der Völker Rußlands SBONR e. V.*

Buchdruckerei Dr. Peter Belej, München 13, Schleißheimer Straße 71

Ю. Терновский

ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИТ В ВЕРХАХ КПСС?

Что же происходит в верхах КПСС в послесталинское время и, в частности, уже теперь, то есть во второй половине 1957 года? Прежде чем ответить на этот вопрос, напомним кое-что из прошлого.

Со смертью Сталина кончилась его власть, — безраздельная, диктаторская, тираническая, которая по характеру своему, по диапазону, по самой сути своей была вызвана к жизни и определена интересами коммунистической диктатуры; иными словами: то, как властвовал Сталин со своими подручными, объясняется не только и даже не столько моральным уродством Сталина и его подручных, сколько объективной необходимостью властвовать именно так, не останавливаясь ни перед чем ради спасения и развития возглавляемого ими коммунистического режима.

Ведь режим этот установился в России против воли слишком многих, чтобы его можно было бы охранить без массовых репрессий; впоследствии же, в процессе проявления этим режимом прежде скрытых в нем качеств, и бывшие его сторонники стали то и дело от него отшатываться, превращаясь порою во врагов существующего режима, готовых к активным действиям при первом удобном случае.

Таким образом, чтобы уберечь свой режим, а заодно и себя от катастрофы, Сталину нельзя было действовать иначе, чем он действовал, — и Сталин избрал единственно спасительный путь для пресловутого «дела коммунизма»: организовав партийную опричнину, начал уничтожение всех, кто представлял для режима хотя бы потенциальную опасность. Этим достигалось не только то, что ряды противников режима физически уничтожались, но и то, что оставшиеся в живых как бы «замораживались» ужасом, кото-

рый находил на них при мысли о беспощадности сталинских расправ.

Создать всеобъемлющее ощущение безвыходности, убедить всех и каждого в обреченности каких бы то ни было попыток свергнуть коммунистическую диктатуру или хотя бы ограничить ее — такой, несомненно, была первоочередная стратегическая цель Сталина, и он в основном достиг этой цели.

Зенитом могущества Сталина, временем всемогущества можно считать примерно четыре предвоенных года, когда ему удалось успешно справиться с одной из наиболее грозных опасностей на своем единолично-диктаторском пути. Опасность эта была устранена в результате так называемой ежовщины, а заключалась она, опасность, в следующем...

В первой половине тридцатых годов целый ряд партийных и хозяйственных деятелей областного или республиканского масштаба оказался охваченным мятежными антисталинскими настроениями. Началось это, очевидно, в процессе кристаллизации и роста самосознания этих людей: они, члены довольно узкой, но практически весьма могущественной корпорации высших руководителей на местах, осознав свое значение и силу, не смогли удержаться от стремлений перестать быть только исполнителями сталинских директив, им захотелось также законодательных функций; иными словами, эти люди вышли из того духовно-политического возраста, когда было правомерным их безропотное и бездумное подчинение какому-либо вождю, в данном случае — Сталину. «Мы сами с усами» решили со временем люди указанного партийного слоя, и еще в тридцатых годах Сталин перестал быть для них непререкаемым авторитетом; «культ личности», разрушение которого, как некоторым кажется, началось только с выступления на XX съезде КПСС Микояна и Хрущева, дал трещину, оказывается, уже за двадцать лет до этого съезда.

Об этом свидетельствуют, например, такие несомненные факты, как тогдашнее массовое для партийных кругов увлечение Кировым и Орджоникидзе, идеализация их и в конечном счете противопоставление Сталину. Из достаточно достоверных источников известно, что Киров и Орджоникидзе не раз перечили Сталину в решении принципиаль-

ных вопросов партийной и хозяйственной жизни и что, случилось, Сталин вынужден был соглашаться с ними. Делал он это, конечно, не только и не столько потому, что оставался в меньшинстве при голосовании на заседаниях ЦК, но также и в силу осведомленности о степени популярности в партии «Мируныча» и «Серго».

В общем, налицо была тенденция высших партийных кругов к тому, что теперь называется «коллективным руководством», к замене Сталина на посту генерального секретаря партии такой личностью, которая не воображала бы себя небожителем, а была бы просто «первой среди равных». Для такого рода желаний и стремлений, повторяем, какая-то часть высшего партийного состава тогда уже созрела.

Следует отметить и то обстоятельство, что с исчезновением из жизни Кирова и Орджоникидзе (определенных кандидатов на роль «первых среди равных») антисталинская фронда в партии отнюдь не пошла на убыль. Так, например, пишущему эти строки пришлось слышать в Челябинске в 1937 году, что секретарь Челябинского обкома партии Рындин арестован по обвинению в организации и руководстве кружком «истинных ленинцев», состоявшим из ряда руководящих работников области. Это были слухи. Но, как говорится, нет дыма без огня. Правда, можно было бы предположить, что слухи эти пустили в оборот органы НКВД (такими делами они тоже занимались). Однако в данном случае ведь совершенно ясно, что изображать арестованного Рындина в качестве правдоискателя, да к тому же ищущего правды не у кого-нибудь, а у самого Ленина, у НКВД не было никакого резона.

Там же и тогда же редактор газеты «Челябинский рабочий» Сыркин в присутствии посетивших редакцию писателей и литераторов сказал ответственному секретарю редакции приблизительно следующее:

«Вот вы недовольны, что в этом номере газеты помещен тот самый портрет Сталина, что и на прошлой неделе... Да человек-то тоже тот самый! Так что дело не в портретах...»

Сказал это Сыркин раздраженно, зло ухмыляясь, и в комнате наступила могильная тишина. Посетители торопли-

во и смущенно откланялись. И никого из них, конечно, не удивила скорая весть об аресте Сыркина — «сообщника врага народа Рындина».

Челябинские «истинные ленинцы», несомненно, имели духовных сородичей среди членов партии любой другой местности нашей страны. Некоторых я сам знал и слышал от них «крамольные речи», о других мне рассказывали.

Таким образом «ежовщина» — это не беспорядочные удары будто бы взбесившегося от страха Сталина, а исподволь подготовленная акция защитного и предупредительного характера, рассчитанная на уничтожение физическое или хотя бы моральное всех тех, кому «культ личности» уже тогда стал невтерпеж. И если в пресловутые «ежовы рукавицы» попали также ни в чем по отношению к Сталину не повинные, то объясняется это либо спешкой чекистов, либо формулой: «Бей своего, чтобы чуждые боялись!».

Это происходило в то время, когда единоличный и беспощадный диктатор Сталин стал казаться обузой той самой партийной элите, которую он сам же вырастил. Партийная элита как бы говорила Сталину: «Мавр сделал свое дело, — мавр может уходить».

Но Сталин не ушел. И, думается, поступил правильно с точки зрения интересов коммунистического режима вообще, ибо его уход, несомненно, вызвал бы резкое ослабление диктатуры вообще, а, значит, и разногласия в ее штабе, так как штаб этот неизбежно превратился бы в форум дискуссий, где никто не имел бы права командовать по-сталински. А поскольку дискуссионность — это элемент демократии, а демократия для диктатуры — яд, то замена действительно единоличного диктатора номинальным или компанией равноправных правителей означала бы отравление элементами демократии всего организма коммунистической диктатуры.

И чем больше прогрессировала бы эта болезнь, тем больше активизировались бы в стране вслед за просто антисталинцами, также бескомпромиссные враги советского режима. А это — очень скользкий путь для «дела коммунизма», и нет ничего удивительного в том, что Сталин столь жестоко расправился со всеми теми, кто хотя бы невольно толкал диктатуру на этот кратчайший к ее гибели путь.

Но мертвящий ужас, воцарившийся в партии и во всей стране в результате ежовщины, стал постепенно рассеиваться. Этому процессу особенно помогла война, породившая у многих уверенность в собственных силах, сознание собственных заслуг, привычку к самостоятельным решениям и вообще осознание себя как самодовлеющей личности, а не просто винтика в сталинской машине.

И Сталин опять-таки распознал в этом смертельную опасность для «дела коммунизма» и стал готовить новую ежовщину, учинив предварительно погром в ленинградской партийной организации, — вероятно, в качестве репетиции. О том, что новая ежовщина готовилась, засвидетельствовал, в частности, и сам Хрущев в своей речи на закрытом заседании XX съезда КПСС.

Удалось ли бы Сталину и на этот раз ее произвести — другой вопрос, для ответа на который пришлось бы сильно отклониться в сторону от нашей темы. Поэтому оставим его открытым и попытаемся выяснить более близкое к теме: почему Сталин неизменно выходил победителем во всех его решительных схватках с антисталинцами и другими мятежниками?

Конечно, он был хитер, коварен, дьявольски умен, ему зачастую просто везло; но главное, решающее в успехах Сталина все же заключалось в том, что он располагал организацией, позволявшей ему контролировать всех и вся, в том числе партию в целом и каждого ее члена в отдельности, за исключением лишь Сталина и тех, кого он соблаговолит объявить неприкосновенным на какое-то время.

Но «на всякий пожарный случай» был еще у Сталина личный секретариат во главе с Поскребышевым, овечьими самыми жуткими легендами. Этот секретариат являлся как бы глазом Сталина, наблюдавшим и за НКВД.

Таким образом из треугольника Сталин — его личный секретариат — чекистская организация никто не мог ускользнуть, все сидели в нем, чувствуя себя поднадзорными и бессильными перед ним независимо от партийного или служебного положения. Так, например, существовал то ли писанный, то ли неписанный закон, по которому ни один человек, кто бы он ни был по служебному положению, не

имел права вмешиваться в так называемую «оперативную работу» НКВД.

Конкретный пример: секретарь обкома партии по партийной линии старше начальника областного управления НКВД (начальники таких управлений были обычно членами бюро обкома партии); однако секретарь обкома не смел даже спросить у члена бюро энкаведиста о причинах ареста того или иного человека, — даже ближайшего своего сотрудника, не говоря уже о протесте против ареста или заступничестве. В общем, энкаведисты чувствовали себя в своей стране, как чувствуют себя в чужих странах дипломаты, наделенные статутом неприкосновенности. ✕

Другая параллель: Сталин с чекистами находились в стране как бы на положении оккупационных властей, причем даже их «родная партия» оказалась на положении партии коллаборанствующей, которой оккупанты не очень-то доверяют и время от времени ее фильтруют.

При таком положении вещей Сталину куда проще было чинить расправы, чем теперь его наследникам, поставившим органы политической полиции под партийный контроль. Сделали они это из соображений личной безопасности, но за счет безопасности режима в целом, который безусловно надежнее охранялся от всякого рода подвохов сталинским надпартийным аппаратом надпартийных же чекистских специалистов.

Да, эти последние тоже числились членами коммунистической партии; однако принадлежность к чекистской корпорации респондировалась ими значительно выше, чем членство в партии. Чекист сталинских времен не мог не рассуждать примерно так: «Во-первых, я чекист, а потом уже — все остальное».

Теперешнему же чекисту хрущевской формации приказано считать себя прежде всего членом партии, и он не может теперь чувствовать себя иначе, потому что политическая полиция перестала быть «государством в государстве», лишилась иммунитета по отношению к собственно партийным силам и факторам, превратившись таким образом из надпартийного в партийное ведомство. Расстрелян Берия — последний из начальников сталинской всемогущей опричнины.

Итак, «оккупация», о которой говорилось выше, кончилась. Но не преждевременно ли, если рассматривать ее с точки зрения интересов коммунистической диктатуры? Думается, что преждевременно и вот почему . . .

Ведь известно, что в Советском Союзе еще в сталинское послевоенное время сложилась ситуация, аналогичная той, с которой в середине тридцатых годов уже пришлось столкнуться Сталину и ответить на нее ежовщиной. Тогда, повторяем, подняли голову и возроптали на единоличную диктатуру многие из высших партийных руководителей в областях, краях и республиках, а также представители командного состава армии.

Вторично разгромить вновь назревшую опасность вольнодумства и реформаторства Сталин не успел, хоть и собирался это сделать. Так что эта неликвидированная опасность перешла по наследству «коллективному руководству». Последнее же предпочло заняться в первую очередь вопросами своей личной безопасности, заботясь прежде всего о том, чтобы обезопаситься друг от друга.

Можно не сомневаться, что каждый из членов коллективного руководства действовал с мыслью: «Либо уж я сам займу место Сталина, либо никому на нем не бывать». Опаснее всех других был в этой ситуации Берия: он мог, если не сам лично усесться на сталинский трон, то во всяком случае посадить туда кого-нибудь по собственному выбору. Ведь за ним стоял в полной боевой готовности чекистский аппарат сталинской выучки и закалки. Но вот Берия общими усилиями был устранен из игры; его чекистский аппарат подвергся реконструкции и чистке с таким расчетом, чтобы он уже не представлял самодовлеющей силы.

Но и после этого в коллективном руководстве не могло наступить спокойствия и уверенности друг в друге. Уже одно то обстоятельство, что одним членам этого руководства было трудно или почти невозможно откреститься от сообщничества в сталинских преступлениях, а другим в известной мере возможно, создавало там почву для весьма существенных разногласий по вопросу официальной оценки личности и деятельности Сталина. Молотов, Маленков, Каганович — это первая группа; вторая же — это Хрущев, Булганин, Микоян (вряд ли кто-нибудь усомнится, что после рас-

стрела Берии именно эта шестерка представляла собою фактическое коллективное руководство, несмотря на наличие в послесталинских президиумах ЦК КПСС ряда других лиц).

Правомерно поэтому, что на XX съезде КПСС с антисталинскими выпадами выступили именно Хрущев и Микоян (Булганин по каким-то соображениям промолчал); Молотов, Маленков и Каганович никак не подходили на роль обличителей, потому что как раз они больше всех остальных связали свои имена с именем Сталина.

Однако и на XX съезде КПСС, где прозвучали антисталинские речи, задевшие рикошетом больше других Молотова, Маленкова и Кагановича, эти люди все-таки сохранили свои места в президиуме ЦК партии, как вошел в первый послесталинский президиум и Берия (и в первом, и во втором случаях преследовалась, очевидно, цель «демонстрации единства»).

Следует думать, что реакция подавляющего большинства делегатов XX съезда убедила инициаторов антисталинской кампании в том, что симпатии партийных масс и, главное, партийной элиты из обкомов, крайкомов и республиканских ЦК будут на их стороне на случай конфликта с такими сталинскими тузами, как Молотов, Маленков, Каганович.

В смысле партийной именитости эта тройка, конечно, далеко превосходит Хрущева, Булганина и даже Микояна (последний всегда слыл за такого «специалиста по торговым делам», будто бы чуравшегося «высокой политики»); ведь на Молотове — отсветы совместной работы с Лениным, даже дореволюционной; Маленков — несомненный фаворит Сталина и наиболее вероятный его преемник, имевший доступ ко всем тайникам сталинской политической кухни; Каганович — это сталинский «железный нарком» к тому же как и Молотов породнившийся со Сталиным.

Но именитость не помогла, когда партийное «служилое дворянство», однажды уже разгромленное Сталиным, согласилось с Хрущевым, что в лице Молотова, Маленкова и Кагановича оно имеет злейших и опаснейших врагов, только и ждущих удобного момента, чтобы вновь ввести в партии сталинские нормы.

И вот в этой борьбе партийных «патрициев» и «плебеев» пока что одолевают последние во главе с Хрущевым. Осуществилась мечта, созревшая еще в тридцатых годах в головах и сердцах Рындиных, Варейкисов, Шеболдаевых и сотен других партийцев такого же калибра и склада, — мечта, что и они дорвутся до законодательной власти, и главою партии станет человек им подстать: не мнящий себя небожителем, а всех остальных — лишь его покорными слугами, чьей жизнью и смертью распоряжается только он.

Такого человека они надеются иметь в лице Никиты Хрущева, спасенного ими на июньско-июльском пленуме 1957 года, где имела место решительная схватка хрущевцев с маленковцами. Из разных источников стало известно, что вначале конфликт разгорелся на заседании президиума ЦК КПСС, и Хрущев оказался там в меньшинстве. Однако его сторонники, пока шли споры в президиуме, вызвали с мест в Москву членов ЦК КПСС, и тогда состоялся пленум, решивший дело в пользу глашатая «плебеев» — Хрущева.

Но в чем же все-таки принципиальные разногласия маленковцев и хрущевцев, разногласия действительные? Думается, что прежде всего они состоят в разнице точек зрения на вопрос о том, насколько, в какой степени все еще необходимы в жизненных интересах коммунистического режима сталинские нормы внешней и, в первую очередь, внутренней политики.

Ведь если признать, что сталинская политика хотя бы в основных своих принципах была правомерной с точки зрения коренных интересов коммунистического режима, то в таком случае следует также признать необходимость для правоверных коммунистов держаться за эти принципы еще и сегодня. Ведь и во внешнем мире, и внутри нашей страны все еще в основном сохраняются те факторы, которые определяли сталинскую политику: попрежнему налицо «капиталистическое окружение», а, значит, согласно ленинскому категорическому убеждению, и необходимость готовиться к решительной схватке, которая, по словам Ленина, должна окончательно решить вопрос «по ком панахида будут петь»; попрежнему внутри страны кипят подспудные страсти, готовые при удобном случае вылиться наружу и захлестнуть «генеральную линию партии», если линия эта

окажется защищенной менее жесткими «дамбами», чем сталинский непререкаемый авторитет, о котором всем и каждому было известно: «Не прикасаться: опасно для жизни!».

Короче говоря, Молотов, Маленков, Каганович, — эти последние из сталинской «стаи славных», — увидели в Хрущеве олицетворение экспериментаторских настроений в партии, настроений, которые, по мнению правоверных сталинцев, являются лишь опаснейшими для режима иллюзиями. Иллюзиями, будто на современном этапе «дела коммунизма» для него не будет губительным ни осуждение «излишеств» сталинского террора, ни отсутствие в ЦК руководителей с репутацией небожителей, ни упразднение чекистского статута сталинских времен, ни расхолаживание фанатиков коммунизма воркованием о возможности вечного мирного сосуществования с капитализмом — воркованием в угоду житейским интересам омещанившихся «бойцов революции», мечтающих ныне о прочности своего благосостояния и для себя лично, и для своих отпрысков.

В этом отношении совершенно прав недавний друг и сподвижник Тито, а теперь узник титовской тюрьмы Милован Джилас, провозгласивший тезис, что в странах коммунистического режима и, особенно, в Советском Союзе уже сложился новый класс собственников из партийцев и околопартийной бюрократии — класс, которому не нужны больше вожди типа Ленина и Сталина, а нужен, как глава партии, «свой брат», вроде Никиты Хрущева, с таким будет спокойнее в смысле устройства личной судьбы каждого из членов этого нового класса. Жизнь подтвердила этот прогноз Джиласа: выбор пал на Хрущева — этого наиболее далекого от Сталина партийного деятеля, далекого по складу ума и вообще по складу всей своей натуре.

Это не значит, конечно, что выбор сделан окончательный: и Хрущев может показаться почему-либо не подходящим для роли главного блюстителя житейских интересов нового класса; но представляется несомненным, что пленум ЦК, впервые за много лет партийной истории ставший действительно высшей инстанцией, снова оставит свой выбор на деятеле хрущевского типа, то есть на таком, который, несмотря на своего рода способности и даже таланты, все

же сделан из другого теста, чем кандидаты в единоличные диктаторы.

Ежовщина, а затем ее рецидивы в послевоенное время при жизни Сталина (например, «ленинградское дело» и подготовка еще более массовых расправ над «зазнавшимися» партийными кадрами) явились для определенных кругов партии тем рубиконом, после которого вопрос о личной безопасности отеснил на задний план все остальные вопросы и теории, и практики строительство коммунизма. И Хрущев, оказавшись в водовороте борьбы за власть в верхах КПСС, тем и спас себя, тем и победил конкурентов, что выступил как глашатай «униженных и оскорбленных» партийных кадров.

Так, выступая на закрытом заседании XX съезда КПСС по вопросу о культе личности Сталина, Хрущев напомнил этим кадрам, какие жертвы они понесли в результате сталинских расправ; Хрущев воспроизвел также несколько наиболее жутких отдельных картин (например, расправа над Эйхе), но совершенно обошел молчанием расправы над крестьянами и вообще «беспартийными массами».

Расчет был верным: ведь «своя рубашка ближе к телу», то есть участников съезда надо было стращать как раз тем, что имеет наиболее близкое отношение к ним самим и им подобным, а не к каким-то там «беспартийным массам».

Иными словами, Хрущеву уверить представленную на съезде партийную элиту в том, что в свое время можно было бы обойтись без террора по отношению к партийным кадрам, ограничившись им лишь по отношению к контрреволюционным элементам ну и, дескать, наиболее злостным врагам партийного единства. И Хрущеву поверили, потому что очень уж хотели поверить в эту душеспасительную для себя версию, предпочтя самообман признанию той страшной истины, сталинский террор по отношению к партийным кадрам был правомерен с точки зрения жизненных интересов коммунистического режима.

Страшая делегатов съезда ужасами единоличной сталинской диктатуры, беря еще не зажившие раны и в то же время давая понять, что при нем, при Хрущеве, ничего по-

добного не повторится, Хрущев говорил в этом своем докладе: «Сталинское своеобразие по отношению к партии и ее Центральному Комитету стало совершенно очевидным после XVII партийного съезда, состоявшегося в 1934 году. После смерти Сталина была создана специальная комиссия под контролем президиума ЦК КПСС, и ей было поручено расследование массовых репрессий против партийных кадров».

Эта комиссия ознакомилась с большим количеством материалов из архивов НКВД, а также с другими документами. Стало очевидным, что многие партийные и советские работники, которые в 1937—38 годах были заклеены как «враги», в действительности никогда не были ни врагами, ни шпионами, ни вредителями, а всегда были честными коммунистами; они были оклеветаны, и часто, не будучи больше в состоянии выносить варварских пыток, обвиняли самых себя, по приказу следователей-фальсификаторов, во всех видах самых ужасных и неправдоподобных преступлений.

Из 130 членов и кандидатов ЦК партии, избранных на XVII съезде, 98 человек, то есть 70%, были арестованы и расстреляны. (**Возгласы возмущения в зале**).

Та же судьба постигла не только членов ЦК, но и большинство делегатов XVII съезда. Из 1966 делегатов с правом избирательного или совещательного голоса 1108 человек были арестованы по обвинению в контрреволюционных преступлениях».

После этих хрущевских подсчетов снова стоит в стенограмме: «Возгласы возмущения в зале». Да и вообще это примечание то и дело встречается в тексте, как только речь заходит о трагической судьбе людей, столь близких делегатам XX съезда, стоявших еще недавно на тех же ступенях партийной лестницы, сидевших в тех же съездовских креслах.

В общем семена этих хрущевских ахов и охов по поводу судьбы партийных кадров и, в частности, делегатов и избранных XVII съезда нашли в лице делегатов XX съезда благодатную почву. Уже одно то, что Хрущев начало антисталинской кампании связал со своим именем, а, значит, и заступничество за жертвы в партийной среде, давало

Хрущеву серьезные шансы на вотум доверия со стороны подавляющего большинства партийных руководителей, именно руководителей — не вождей.

И вот когда уже после съезда вельможные противники Хрущева решили дать ему решительный бой в президиуме ЦК и почти одолели там, Хрущев в последний момент призвал на помощь триста с лишним партийных руководителей, провочных составить пленум ЦК, — и победил. Но, победив президиум, Хрущев тем самым и себя выдал на милость пленума, причем не только на время одного заседания, а и на будущее. Ведь если до событий в июне 1957 года президиум ЦК лишь номинально был подотчетен и подчинен пленуму ЦК, то теперь это стало фактическим положением.

Таким образом, в послесталинское время не только единоличная диктатура не нашла своего продолжения, но и «коллективное руководство» стало принимать аморфные, паталогически громоздкие для диктаторского режима формы: ведь нынешний диктатор в нашей стране — это не один человек, как было со Сталиным, и даже не десяток — полтора членов президиума ЦК КПСС, а триста восемнадцать провочных участников пленумов ЦК КПСС.

Конечно, эта многоголовая гидра не будет чинить своему президиуму каждодневных препятствий, не станет парализовать его деятельность неотступным контролем; однако вряд ли это теперь возможно, чтобы члены президиума приняли бы какое-либо принципиально важное решение, особенно не единогласное, не будучи твердо уверенными в его одобрении пленумом.

Но как же могло случиться, что, несмотря на нынешнее торжество в партии третированных Сталиным сил, добившихся наконец в лице пленума решающих функций в законодательной власти, — в президиуме все же остались почти все те люди, которые и в сталинское время были членами или кандидатами президиума?

Объяснить это можно тем обстоятельством, что пленум судил о членах и кандидатах президиума, конечно, не столько по их прошлой позиции по отношению к Сталину

(ведь позиция эта в общем у всех их была одинакова: чего изволите?), сколько по степени их теперешней опасности как возможных зачинщиков «заговора вождей», который поставил бы своей целью вновь сосредоточить всю полноту законодательной власти, если не в руках единоличного диктатора, то хотя бы президиума ЦК.

Кроме того, нельзя забывать, что антисталинские (в смысле культа живой личности) настроения партийной элиты не равнозначны настроениям антикоммунистическим: эти люди нанесут вред «делу коммунизма» разве что по ошибке, но не преднамеренно, потому что «дело коммунизма» — это сук, на котором они все сидят, независимо от разногласий по вопросу о культе личности. А полный разгром «сталинского» состава президиума означал бы не только отстранение от государственного руля наиболее опытных кормчих, но и, главное, — прецедент, который мог бы послужить началом еще более серьезных потрясений как в партии, так и во всей стране.

К тому же «антисталинизм» одних и «сталинизм» других — понятия весьма расплывчатые и условные. Ведь в партии и поныне не слышно голосов, осуждающих сталинизм в целом, осуждаются лишь отдельные его проявления: культ личности Сталина, сталинские расправы над партийными кадрами — вот, собственно, и все...

Причем осуждается это более или менее искренне только в тех партийных головах, которые по ограниченности своей не могут осмыслить, что сталинизм во всей своей совокупности есть не что иное, как марксизм-ленинизм, осуществляемый во что бы то ни стало; что сталинская практика такого осуществления была единственно правильной в смысле ее соответствия целям борьбы коммунистического режима со всеми грозящими ему опасностями, в том числе — и с опасностями действительной внутрипартийной демократии.

Так что теперешний скулеж коммунистов по поводу «грубого извращения Сталиным принципов партийной демократии и революционной законности» является либо результатом недомыслия определенных партийных кругов, либо лицемерием в угоду этим кругам.

И надо сказать, что угодническое лицемерие явилось, пожалуй, решающим фактором укрепления или даже спасения Хрущева в послесталинское время. Он раньше других наследников Сталина реализовал ту простую и несомненную истину, что взамен утраченной опоры опор (какой являлся для диктатуры чекистский аппарат сталинского образца) нужна другая; ведь никакая власть, даже власть абсолютного самодержца, не может как бы висеть в воздухе.

И вот, используя средства лицемерия и демагогии, Хрущев и его советники добились того, что у них появилась самая сильная из всех возможных в настоящее время опор: партийное служилое дворянство, занимающее ключевые позиции во всех областях экономической, военной и духовной жизни и представленное в ЦК партии тремя сотнями делегатов.

И хотя эта новая сила, на которую вынуждены были опереться удержавшиеся на верхах партии сталинские са-трапы, представляет для них не только опору, но и направляющую силу, она все же позволяет им выступать на открытой политической арене в роли чуть ли не по-сталински независимых вождей.

Больше других в этом отношении пока что позволяет Хрущеву, и в результате немало западных «специалистов по вопросам коммунизма» уже объявили о том, что в лице Хрущева они опознали нового единоличного диктатора, ныне усаживающегося на сталинский трон. Но разве не ясно этим специалистам, что совершенно необходимым условием чьего-либо восхождения на сталинский трон является одновременное воссоздание сталинского чекистского аппарата?

Что это был за аппарат, — уже говорилось выше. Так кто же в стране смолчит, останется в бездействии, если над страной, над всем без исключения народом вновь нависнет угроза быть отданным во власть профессиональных палачей? Кто даже из высшего командного состава партии не воспротивится перспективе самому оказаться в лапах, составляющих сознаваться, по нынешнему свидетельству Хрущева, «во всех видах самых ужасных и неправдоподобных преступлений»?

Возможно возражение: но раньше-то, когда Сталин создавал свою опричнину, смолчали, согласились... Во всяком случае, не воспрепятствовали этому...

Да, был грех, был роковой просчет. Потому что, не испытав однажды жизни по чекистскому статуту сталинской редакции, никакой человеческий ум не в силах был предугадать, что это будет за жизнь. Высшие партийные круги, при попустительстве и помощи которых Сталин исподволь создавал своего чекистского «всехдавиша», надеялись, конечно, что это не для них, а для действительных врагов советской власти, ну и разных там типчиков из беспартийной массы... И «беспартийная масса» смолчала, рассудив, что хуже, чем есть, быть уже не может...

Но повторение этой истории представляется совершенно невероятным, потому что теперь уже каждый не может не понимать, к чему это приведет и в плане общенародном, и в плане его личной судьбы. Рассмотрим же этот вопрос конкретнее...

Для того, чтобы положить хотя бы начало воссозданию чекистского аппарата как по существу надпартийной организации, недостаточно телефонного звонка или личного письма кого бы то ни было из здравствующих ныне партийных или партийно-государственных деятелей. Это было бы расценено чекистами, как призыв к мятежу со стороны авантюриста-одиночки, тем более (и в этом можно не сомневаться), что ключевые позиции в теперешнем чекистском аппарате занимают доверенные лица ЦК партии, а не просто ставленники единоличного диктатора, как это было с известных пор при Сталине.

Но если бы даже руководящие чекисты и пожелали бы вновь иметь одного всемогущего хозяина и послушались бы призыва к мятежу против своей подконтрольности собственно партийным органам, то все равно такой мятеж был бы раздавлен, по распоряжению из ЦК, армейскими частями. Причем раздавлен, если так можно выразиться, с удовольствием, с энтузиазмом, как только армейцам было бы сказано, что это взбунтовались «сталинские последыши». Недаром же в Москве после объявления об аресте Берия по улицам патрулировали именно общеармейские подразделения.

Значит, для возвращения чекистскому аппарату сталинского статута необходимо решение, если уже не ЦК партии, то хотя бы его президиума. А президиум мог бы принять такое решение лишь в том фантастическом случае, если бы члены президиума верили друг другу в такой же степени, как каждый из них верит самому себе. Кроме того, подобное решение явилось бы вызовом президиума всем тем, кто оказался на стороне инициаторов антисталинских разоблачений.

Потерять же этих сторонников президиум ЦК КПСС ни в теперешнем, ни в каком-либо другом своем составе не решится, потому что это означало бы забвение той несомненной истины, что в современной обстановке рассчитывать на пребывание в партийном руководстве могут лишь те деятели КПСС, которые прямо либо косвенно уверят элиту «нового класса», что они, как руководители, и не помыслят о том, чтобы вновь ввести для партийных кадров сталинский чекистский статут.

В этом отношении весьма показателен такой абзац из постановления июньского пленума ЦК КПСС, осудившего «антипартийную группу»:

«Тт. Маленков, Каганович и Молотов упорно сопротивлялись тем мероприятиям, которые проводил Центральный Комитет и вся наша партия по ликвидации последствий культа личности, по устранению допущенных в свое время нарушений революционной законности и созданию таких условий, которые исключают их повторение в дальнейшем».

Думается, что именно этот пункт обвинения, будучи каким-то образом обоснованным хрущевцами, и решил на пленуме исход дела в их пользу. И суть не меняется от того, является ли это обвинение правдивым или облыжным. Больше того: если оно облыжно, то это еще убедительнее свидетельствует о том, что сейчас в партии создалась обстановка, в которой подобного рода обвинения настолько впечатливают, в которой подобного рода обвинения производят такое впечатление, что будучи даже бездоказательными, вызывают превентивные мероприятия по отношению к тем, по чьему адресу прозвучали эти обвинения.

Несколько слов хотелось бы сказать о теориях, связанных с личностью маршала Жукова. На Западе не раз вы-

сказывались более или менее категорические прогнозы, суть которых сводилась к тому, что в нашей стране дело идет к военной диктатуре, и ведет это дело в послесталинское время маршал Жуков, ведет довольно медленно, но зато верно.

Рассмотрим же реальные возможности на этом предполагаемом пути маршала и министра обороны Григория Константиновича Жукова. Сразу же отметим, что его личная популярность довольно широка — в рамках «нового класса» и в близких к этому классу социальных слоях. В общем, в почете он у тех, чьи настроения не антикоммунистичны, а лишь оппозиционны. Что же касается социальных низов, то там, по свидетельству многих новейших эмигрантов, имя Жукова равнозначно любому другому имени с современного партийного Олимпа: «Все они — гады, паразиты...» и т. д.

Популярность Жукова переплетается с антисталинскими настроениями «нового класса». Жуков в их глазах — одна из героических фигур армии, чуть было не погибшая от руки злодея Сталина.

То обстоятельство, что и сам маршал Жуков носитель антисталинских настроений, вряд ли подлежит сомнению; но не подлежит также сомнению то, что министр обороны и новоиспеченный член президиума ЦК КПСС — не антикоммунист.

А это значит, что ни на какие затеи, угрожающие самому существованию диктатуры КПСС, он не пойдет и даже не подумает об этом. Военная же диктатура возможна только при условии разрушения диктатуры партийной. Не понимать этого Жуков не может.

Но допустим, что он не понял и зашагал то ли к единоличной диктатуре, то ли к вообще диктатуре военной. Понятно, что уже при первых шагах ему должна будет помогать армия, готовая раздавить каждого, кто попытается преградить ее маршалу путь к разрушению диктатуры партийной. Что ж, в армии найдется немало охотников громить партийную диктатуру, но только не среди командного состава, почти сплошь партийного. Затем надо учесть уже сплошь партийный военно-политический состав. Армейские коммунисты в подавляющем большинстве своем сразу же

поймут, что их выступление против невоенной партийной диктатуры развяжет вообще антикоммунистические страсти в армии, главным образом, — среди рядового и сержантского состава.

А если поймут, то сумеют связать Жукова еще на пороге его министерского кабинета и затем, объявив его ну хотя бы «ловко замаскировавшимся Бонапартом», послать вслед за Берия.

Другое дело, что вес Жукова резко повышается в руководящих кругах КПСС, что Жуков теперь — одна из наиболее импозантных фигур в президиуме ЦК, он крайне там нужен как доказательство для партийных и беспартийных масс, что теперь-де не сталинские времена, при Сталине, дескать, Жуков на задворки попал, а ныне — на самом верху. . .

Не исключена также возможность, что в умах теперешних партийных стратегов маршал Жуков утвердился как наиболее подходящий военный деятель на тот пожарный случай, если придется партийной диктатуре звать на помощь армию; например, на случай возникновения в нашей стране чего-то похожего на недавние венгерские события.

Но популярность Жукова может показаться ЦК КПСС в какое-то время слишком опасной.

Не будет ничего удивительного и в том, если Жуков в конце концов сменит Хрущева на посту «первого среди равных»; но произойдет это опять-таки по воле и в интересах общепартийной олигархии, а не по настоянию армейских коммунистов. Так же будет решаться вопрос и в случае падения Жукова. «Армейские коммунисты» — это такие же коммунисты, как и все остальные. То же самое и с беспартийными в рядах армии: это — рабочие, колхозники, служащие, надевшие воинскую форму, но не ставшие от этого носителями какой-то особой «воинской идеологии».

Что же касается дальнейшего развития событий в верхах КПСС, перспектив на будущее, то они схематически представляются в таком виде.

Неудержимо будут продолжаться уступки партийных верхов по линии «внутрипартийной демократии», что приведет в конечном счете к ослаблению организма партийной диктатуры и роковой для нее стадии развития процесса «освобождения от страха» — процесса, начавшегося со смертью Сталина и в партийных, и в беспартийных кругах, — процесса, который ничем не может быть остановлен, кроме как новыми расправами по образцу сталинских; однако, как говорится, «всякому овощу свое время», а «овощ» сталинских расправ уже использовал свое время до крайних пределов. Эти расправы были закономерны в определенный период становления «нового класса» партийной бюрократии, которая ныне сама дрожит при одной мысли о «сталинском овоще».

Это психологическое обстоятельство уже теперь то и дело используется Хрущевым в целях упрочения своего руководящего положения в партии; в дальнейшем же, по мере того, как все большему количеству партийных ушей антисталинские тирады не будут казаться кощунственными и пагубными для высших интересов режима, спекуляции сталинским жупелом станут лейтмотивом партийного руководства.

Термин «сталинизм» вряд ли будет узаконен, а вот «сталинщина», пожалуй, получит права гражданства. Для начала, вероятно, напечатают массовым тиражом антисталинскую речь Хрущева на закрытом заседании 20-го съезда КПСС (или сочинение на эту же тему какого-нибудь другого автора, если к тому времени Хрущев попадет в немилость партийной олигархии); затем уберут все памятники Сталину и снимут его имя с населенных пунктов и т. д., а также вытащат Сталина из мавзолея.

Все прорехи в прошлом и настоящем советской власти официально будут объясняться «наследием сталинщины», «пережитками сталинщины» или ее рецидивами; расправляться с внутрипартийными врагами можно будет тоже под флагом борьбы с «рецидивами сталинщины».

Все это, конечно, гальванизирует партию на какое-то время и в какой-то степени. Однако ничто ей уже не вер-

нет революционной страстности, способности даже собственных детей бросать в огонь партийного жертвенника.

И сегодняшнее олицетворение этой партии — Никита Хрущев, — «первый среди равных», равных в своем страхе перед Сталиным, в страхе друг перед другом и перед народом, для которого все они — последыши Сталина.

А. Авторханов

ДИКТАТУРА СЕКРЕТАРИАТА

С объективно исторической точки зрения, исключение Молотова, Кагановича и Маленкова из ЦК КПСС может быть поставлено только рядом со смертью Сталина. В дальнейшем развитии режима июньский переворот Хрущева сыграет судьбоносную роль. Ведь исключены не рядовые деятели КПСС, а ее основатели, не просто соратники Сталина, а создатели и самого Сталина. Когда секретари ЦК Молотов, Каганович и Маленков вместе со Сталиным создавали вот эту самую КПСС, Хрущев был запоздалым студентом, Булганин — мелким чиновником, а более 80% нынешних членов ЦК вообще не состояли в партии.

Вот партийное лицо ЦК, избранного на XX съезде:

Партийный стаж	Количество
до октября 1917 г.	6 человек
с 1917 по 1920 г.	14 человек
с 1921 г. по 1924 г.	7 человек
с 1925 г. по 1930 г.	44 человека
с 1931 г. по 1937 г.	13 человек
с 1938 г. по 1942 г.	28 человек
умерло и выбыло	7 человек
не установлено	14 человек

ИТОГО: 133 человека

(Вычисления сделаны по мандатным данным XX съезда КПСС.)

Таблица показывает, что из 130 членов КПСС — 124 человека, в том числе и Хрущев, вступили в партию после прихода большевиков к власти; 110 из них тогда, когда Молотов, Каганович, а потом и Маленков были секретарями ЦК КПСС. Но зато из общего состава 225 членов и кандидатов этого ЦК — 100 человек (около 40%) были избраны впервые в состав ЦК на XX съезде на место тех, которые вычищены отсюда после смерти Сталина (90 человек или около 38% старого ЦК).

Подводя итоги июньского пленума, «Коммунист» писал:

Можно сказать без преувеличения, что пленум спас единство... Раскольники не поняли того, что всегда и безвозвратно устранено то ошибочное положение, которое имело место в период широкого распространения культа личности и при котором принижалась роль ЦК, когда избранные им органы оказывались стоящими над ЦК и брали на себя решение таких вопросов, которые являются исключительно компетенцией пленума ЦК». («Коммунист», № 10, стр. 8, июль 1957).

Под «единством», которое спас пленум ЦК, надо, конечно, понимать «спасение» самого Хрущева, но стал ли и на самом деле пленум ЦК таким высшим органом, который диктует свою «коллективную волю» и Секретариату и Президиуму?

«Коммунист» утверждает, что дело обстоит именно так. Вот соответствующее место из той же статьи:

«Решительный разгром антипартийной группы еще и еще раз подтвердил непоколебимую силу коллективного партийного руководства, все значение того, что не отдельные лица и группы, а авторитетный, коллективный, съездом избранный, орган руководит партией». («Коммунист», там же, стр. 9).

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что такое категорическое заявление как раз подтверждает то, что оно хочет опровергнуть. Сила большевистского руководства всегда заключалась в том, что законодательный корпус

(съезд, пленум) постоянно служил лишь громкой вывеской, полезным прикрытием для оправдания и узаконения текущей практики исполнительных органов партии. Съезды, пленумы служат для «проголосования» того, что им преподносит данная исполнительная власть безотносительно к тому, кто ее возглавляет: Ленин, Сталин, Маленков, Хрущев или кто-либо из ее будущих водителей. В этом и заключается сущность пресловутого «демократического централизма».

Именно «отдельные лица» (Хрущев) и «группы» (Секретариат ЦК) «еще и еще раз подтвердили непоколебимую силу» этого главного принципа диктатуры партийного аппарата.

В новый Президиум входят:

1. Хрущев (первый секретарь ЦК)
2. Сулов (секретарь ЦК)
3. Аристов (секретарь ЦК)
4. Беляев (секретарь ЦК)
5. Брежнев (секретарь ЦК)
6. Куусинен (секретарь ЦК)
7. Фурцева (секретарь ЦК)
8. Шверник (председатель Комитета партийного контроля при ЦК).
9. Кириченко (первый секретарь ЦК Украины)
10. Козлов (первый секретарь Ленинградского обкома КПСС)
11. Игнатов (первый секретарь Горьковского обкома КПСС)
12. Булганин (председатель Совета министров СССР)
13. Ворошилов (председатель Президиума Верховного Совета СССР)
14. Жуков (министр Обороны СССР)
15. Микоян (заместитель председателя Совета министров СССР).

В этом Президиуме, который по уставу партии считается высшей законодательной властью между пленумами, ведущее большинство имеет Секретариат ЦК, — т. е. исполнительная власть, так как кроме семи секретарей ЦК к аппарату ЦК принадлежит и председатель Комитета партконтроля при том же Секретариате.

Но так как секретари обкомов и местных ЦК прямо подчинены и подотчетны тому же Секретариату, то Хрущев

имеет в Президиуме из 15 голосов 11 голосов, или более 2/3 всех голосов. Таким образом, Хрущев в лице нового Президиума создал некий «малый Пленум ЦК», всецело находящийся под контролем Секретариата. Это «новшество», по которому «законодательная власть» поглощена «исполнительной» властью, гарантирует от случайностей непредвиденного «бунта» в Президиуме, как это было в старом Президиуме, где исполнительная власть имела из 11 голосов только 3 голоса (Хрущев, Суслов, Кириченко).

Не менее важно и другое обстоятельство. Постоянная апелляция к Пленуму ЦК, как к арбитру, не только неудобна практически, но и опасна политически. При таком положении Пленум ЦК действительно может присвоить себе «компетенции», которые, правда, ему положены по уставу, но которые не могут быть допущены на практике, если Хрущев хочет избежать участи Молотовых и держать руль правления в партии и государстве в своих руках.

В персональном подборе людей Хрущев поступил точно так же, как поступил Сталин. Ведь это Хрущев говорил:

«Предложение (Сталина) после XIX съезда об избрании 25 человек в Президиум ЦК было направлено на то, чтобы устранить всех старых членов из Политбюро и ввести в него людей, обладающих меньшим опытом, которые всячески превозносили Сталина» («Речь Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС», стр. 54, Мюнхен).

После смерти Сталина этот Президиум был разогнан, но теперь Хрущев из подобранных Сталиным «неопытных», но преданных ему людей вернул обратно в члены и кандидаты Президиума 8 человек (Аристов, Коротченко, Куусинен, Шверник, Брежнев, Игнатов, Косыгин и Суслов, который был возвращен еще в 1955 г.), прибавив к ним несколько других лиц, еще менее «опытных», но зато, вероятно, еще более преданных самому Хрущеву.

Если же рассматривать членский состав нового Президиума с точки зрения представительства в нем высших корпораций советского общества, то в нем отсутствуют представители тех социальных групп, которые при Сталине всегда присутствовали: политическая полиция, руководители про-

мышленности, профсоюзов. Кандидатский состав Президиума ЦК тоже подобран почти из одних партаппаратчиков:

1. Мухитдинов (первый секретарь ЦК Узбекистана)
2. Пospelов (секретарь ЦК КПСС)
3. Коротченко (профессиональный партаппаратчик, ныне председатель Президиума Верховного Совета Украины)
4. Калнберзин (первый секретарь ЦК Латвии)
5. Кириленко (первый секретарь Свердловского Обкома)
6. Мазуров (первый секретарь ЦК Белоруссии)
7. Мжаванадзе (первый секретарь ЦК Грузии)
8. Косыгин (хозяйственник, заместитель председателя Совета министров СССР)
9. Первухин (хозяйственник, председатель Комитета по экономическим связям с границей).

В нем также не представлены полиция, профсоюзы и комсомол. Зато из этих девяти кандидатов 6 человек находятся в прямом подчинении Секретариата ЦК.

Как видим, принцип преобладания исполнительной власти над законодательной и здесь выдержан в той же пропорции, что и в членском составе Президиума. Отсутствие в составе Президиума Серова (КГБ) и Дудорова (МВД) говорит об уменьшении роли полиции, как присутствие там маршала Жукова — об увеличении роли Армии.

Партаппаратчики не хотят в интересах собственной безопасности возвращения к временам Сталина, когда на местах младший офицер полиции означал больше, чем первый секретарь обкома партии, а в центре верховный шеф НКВД — больше, чем все члены Политбюро вместе взятые, кроме Сталина. Сталин правил страной через полицию, а аппарат партии поставил на ее службу; Хрущев хочет править страной через партаппарат, а полицию поставить на его службу. Хотя от этого перемещения слагаемых сумма не меняется, но в случае новых кризисов головы будут лететь не у аппаратчиков, а у полицейских.

Высказанные выше соображения отчасти дают ответ и на те спекуляции, которые были вызваны в связи с включением в состав Президиума ЦК маршала Жукова. В партийном повышении маршала Жукова нельзя видеть повышение политической роли советской армии. Если бы это было так, то это означало бы, в свою очередь, что партия должна

делить власть с армией. Уже само признание Хрущевым армии, как фактора политической власти, имело бы для режима катастрофические последствия. Именно это признание и пробудило бы к политической жизни офицерский корпус. Но введение в Президиум маршала Жукова не говорит о росте влияния армии в политике. Да и в самой армии министр обороны не делает «политики», ее делает главное политическое управление министерства обороны СССР, подчиненное не министру, а Секретариату ЦК КПСС, как его военный отдел. Такой порядок зафиксирован уже в уставе партии. Поэтому вполне убедительно звучало заявление начальника Главного политического управления министерства обороны генерал-полковника А. С. Желтова на собрании министерства о том, что: «Партийная организация вооруженных сил всегда была и будет надежной опорой ЦК» («Правда», № 186, 5. 7. 1957).

Однако нынешнюю расстановку сил на верхах партии нельзя считать прочной, а тем более стабильной. В новый Президиум ЦК КПСС все еще входят люди, которые либо голосовали против Хрущева, либо были в «примиренцах», когда обсуждался о нем вопрос в старом Президиуме. Конечно, Хрущев мог бы любого из них или всех вместе вывести из Президиума на том же июньском Пленуме ЦК. Но это было бы политически невыгодно для самого же Хрущева. Ведь это означало бы открытое признание Хрущевым, во-первых, того несомненного факта, что решением большинства Президиума ЦК он был снят с поста Первого секретаря ЦК, во-вторых, что он, опираясь на своих партаппаратчиков, произвел партийно-государственный переворот. Не «моральные» соображения, не отсутствие «единодушного» Пленума ЦК, а вполне обоснованные опасения, что такой шаг вызовет новый кризис в восточноевропейских странах и в мировом коммунистическом движении, удержали Хрущева от этого. Слишком горьким был урок от разоблачения Сталина. К тому же оставление трех-четырех «примиренцев» или противников в новом расширенном Президиуме не было и большим риском, ибо они окружены, как указывалось, абсолютным большинством преданных Хрущеву партаппаратчиков.

Таким образом, «коллективная диктатура» Президиума ЦК КПСС после июньского пленума сменилась «диктатурой секретариата» ЦК. Сейчас Хрущев достиг того, чего Сталин добился в середине двадцатых годов, поставив Секретариат над Политбюро. В самом Секретариате его члены играют неодинаковую роль. Верховная и направляющая роль первого секретаря вне сомнения. Судя по всем данным, доступным нашему наблюдению, можно считать, что власть первого секретаря опирается на согласованную корпорацию трех ведущих секретарей ЦК — Беляева (секретарь по РСФСР и заместитель председателя (Хрущева) Бюро ЦК КПСС по РСФСР), Аристов (секретаря по госбезопасности) и Брежнева (секретаря по кадрам). Роль Куусинена (секретарь по иностранным компартиям), Фурцевой (секретарь по Москве), Поспелова (секретарь по идеологии) — узковедомственная.

Есть еще орган с большим штатом хорошо вышколенных «экспертов» по всем отраслям государственной жизни, который играет, хотя и закулисную, но всегда важную роль — это «технический секретариат» самого первого секретаря. Хорошо известно, что Сталин руководил партией, полицией и государством именно через этот секретариат, который возглавлялся почти тридцать лет одним и тем же лицом — Поскребышевым. Эту роль Поскребышева при Хрущеве выполняет ныне «помощник секретаря ЦК» — Андрей Степанович Шевченко. О масштабах и размахе работы Шевченко мало что известно, но образцовое «техническое» обеспечение явочного Пленума ЦК в июне 1957 г. показывает, что Шевченко не лишен способностей своего предшественника.

Хрущева долго недооценивали за границей. Конечно, у него нет ни ораторского таланта Троцкого, ни теоретического блеска Бухарина, ни бездонных криминальных возможностей Сталина. Но у него есть то, чего не было у ликвидированных «догматиков» — неограниченная воля к экспериментированию. Это экспериментирование у него называется «творческим развитием марксизма-ленинизма». Но все, что до сих пор Хрущев сделал, укладывается в рамки модернизированного сталинизма. Дилемма, перед которой отныне стоит режим, — либо назад к классическому сталинизму, либо полная ликвидация сталинизма вообще, — не может

быть разрешена Хрущевым. От Хрущева начинается новая эра, в конце которой уже не будет и самого Хрущева. Мы находимся накануне грозных и многообещающих событий...

К. Крылов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЛЕМЫ КПСС.

Никакие ТУ-104 и «спутники» не могут заслонить и скрыть того факта, что к сорокалетию своего существования советская система приходит с весьма печальными итогами в области экономики. Вернее сказать, — определенные успехи есть, местами значительные успехи, но все это далеко от мечтаний и планов, далеко от желаемого и даже — от **насуцно необходимого**. Более того, в процессе своего развития только сейчас советская экономика вплотную подошла к исчерпанию своих возможностей и тем поставила перед коллективным руководством ряд труднейших проблем, которые требуют своего безотлагательного разрешения.

Главной проблемой является производительность труда, которая по всей экономике остается чрезвычайно низкой. В сочетании с постоянным форсированием массы продукции низкая производительность труда приводила к необходимости вовлекать в процесс производства все новые и новые рабочие руки. В настоящий момент Советский Союз пришел к исчерпанию своих трудовых ресурсов и начинает в принудительном порядке черпать их из стран-сателлитов. Таким образом вопрос быстрого повышения производительности труда есть вопрос возможности или невозможности дальнейшего развития и роста советской экономики.

Однако проблема производительности труда не есть проблема самостоятельная и обособленная. Она органически вытекает из того, что принято называть производственными отношениями. Таким образом первопричиной (но далеко не единственной, хотя и важнейшей) ныне сложившегося положения являются пресловутые «производственные отношения социализма», которые якобы «открывают неограниченные возможности для развития социалистической системы хозяйства». Но на самом деле «производственные отношения социализма» представляют собой нечто диаметрально противоположное по своему качеству, что уже достаточно видно из их влияния на производительность труда.

Одним из основных компонентов производственных отношений является вопрос того, как распределяется национальный доход, т. е., как распределяется вся сумма продуктов и услуг в данной экономической формации. В Советском Союзе это «распределение» фактически всегда означало ограбление широчайших трудовых масс и обогащение партийной клики и бесчисленного множества ее прихлебателей. Вся эта многочисленная группа живет неизмеримо лучше всего остального народа; живет лучше не только в материальном смысле, и тем самым создает беспрецедентно уродливую социальную лестницу «стран социализма». Вопреки интересам народа, сложились уродливые пропорции советской экономики, и это уродство оплачивает народ своим недоеданием и нищетой.

Но перманентное ограбление трудящихся при распределении национального дохода является далеко не единственной причиной отказа этих трудящихся работать хоть сколько бы то ни было интенсивно на такую систему. В то же время «качества» этой системы, — бесхозяйственность, косность, нерентабельность и т. д., — только усугубляют положение, создаваемое «производственными отношениями социализма».

Сегодня уже почти с полной достоверностью можно сказать, что этот логический круг, пусть по-своему, но все же осознан «коллективным руководством и лично т. Хрущевым». Это видно хотя бы из ряда мероприятий, имевших место при перестройке сельского хозяйства: повышение заготовительных цен, освобождение колхозных дворов от обя-

зательных поставок. Это были первые эксперименты, первые робкие, как бы связанные шаги. Связанные и политически и, главное, экономически. Политически мешала «антипартийная группа», экономически по рукам и ногам связывали, да и еще продолжают связывать уродливые пропорции в промышленности, достигшие соотношения 74 к 26 между тяжелой и легкой промышленностью; и это в то время, когда наиболее индустриальная страна мира — США имеют пропорцию 50 к 50 между производством средств производства и производством средств потребления.

Однако вне всякого сомнения, что в области сельского хозяйства имеют место попытки несколько улучшить распределение национального дохода.

И хотя все сделанное до сих пор в этой области является преимущественно подачками (по масштабам), подачи эти не эпизодичны, а стоят в цепи мероприятий, которые через изменение положения в распределении национального дохода должны благотворно повлиять на производительность труда и, более того, на политическую атмосферу в стране. Подтверждением этой точки зрения является тот факт, что, начиная с ленинградского совещания работников сельского хозяйства, — когда Хрущев признал существование политической «сгущенной атмосферы» в селе и, фактически во всей стране, — и по сегодняшний день создается и рекламируется новая точка зрения на «социализм» и его задачи. В своих выступлениях в Чехии, Хрущев, например, заявил о намерении укрепить марксизм-ленинизм маслом, салом, хорошим супом и хорошей квартирой. Развивая дальше новый вид марксизма-ленинизма, Хрущев сказал, что не было бы смысла брать власть в Октябре, если народу не обеспечить хорошую жизнь.

Являются ли все эти высказывания его личным убеждением, — сказать весьма трудно, но зато совершенно несомненно, что все они сделаны под давлением обстоятельств, под давлением экономических и политических факторов, развивающихся в стране. Но как бы там ни было, они служат как бы теоретическим обоснованием нового курса, — вольного или невольного, однако жизненно необходимого. Следовательно, поднятие жизненного стандарта народа в СССР, по мнению «коллективного руководства и лично т.

Хрущева», является жизненно необходимой, насущной задачей, которую нужно решать в первую очередь. Эта их точка зрения является главным отправным пунктом для рассмотрения того, куда могут пойти события в экономической, да и в политической жизни страны.

Решение задачи началось, естественно, с сельского хозяйства. И надо сказать, что за четыре года перестройки сельского хозяйства в нем имеются некоторые успехи, хотя и не пропорциональные затраченным усилиям и средствам. Так, если сбор зерновых на душу населения в 1951 г. составил 381 кг, то в 1956 (правда, очень урожайном году) сбор составил 545 кг. Однако это на 30 кг ниже, чем сбор на душу населения в 1913 году. Возросло и поголовье скота. Так, если количество крупного рогатого скота, приходящегося на 100 человек населения, почти не изменилось с 1951 по 1955 г. (в сравнимых показателях), то количество коров выросло с 13 до 13,85, свиней — с 13,1 до 15,9, овец — с 53,2 до 63,3. Но тем не менее все эти показатели ниже показателей на 1928 год, — по крупному рогатому скоту — на 14 голов, по коровам — на 8,7, по свиньям — на 2,3 головы и по овцам — на 12 голов. За период с 1951 г. довольно значительно повысилась продуктивность животноводства.

Несмотря на эти успехи, продовольственная проблема в стране еще не разрешена; пока что только провозглашен лозунг догнать Америку по мясу, молоку и маслу, который должен явиться мобилизующей силой, обеспечивающей дальнейшие успехи. Насколько сам Хрущев и «коллективное руководство» считают этот лозунг реальным, сказать трудно. Вероятнее всего, считают нереальным, но зато пригодным в качестве стимула для работников, связанных с сельским хозяйством.

Коллективное руководство, очевидно, считает, что в сельском хозяйстве закончен определенный этап: пока что исчерпаны реальные возможности дальше менять принцип распределения национального дохода в сфере сельского хозяйства.

Расценивая положение в сельском хозяйстве именно так, «коллективное руководство» все свое внимание повернуло в сторону упорядочения промышленности. В самом начале статьи я уже говорил, что ни ТУ-104, ни даже «спутник»

сегодня уже не могут скрывать советского провала в области промышленности, а победные реляции о выполнении плана за 56 г. и первое полугодие 57 г. звучат так же правдоподобно и достоверно, как честное слово клятвопреступника.

Перестройка управления промышленностью и строительством, которая, как представляется, имела в равной степени и экономические и политические основания, направлялась не только на улучшение работы промышленности в узком смысле слова, но и на введение режима экономии в ней. Это, если и не совсем прямо, влияет на соотношение сельского хозяйства и промышленности, — в пользу сельского хозяйства.

Получив свободу рук и собравшись с мыслями, Хрущев делает дальнейшие шаги. Как было очевидно с самого начала, одна лишь перестройка управления не могла и не может решить всех и особенно наиболее важных проблем в промышленности, созданных годами и десятилетиями горехозяйствования. В результате перестройки управления промышленность находится в состоянии хаоса и неразберихи. Поскольку это так, то не лучше ли сейчас не делать дальнейших шагов и не усугублять хаоса? Именно такие соображения, вероятно, привели к опубликованию 26 сентября решения ЦК КПСС и Совета Министров СССР о новом, семилетнем плане. Фактически он анулирует план 6-ой пятилетки и намечает новые пути развития советской промышленности.

Наряду с целым рядом туманных признаний о крупнейших, принципиальных неполадках в промышленности, постановление требует обратить больше внимания на производство средств потребления. Это тоже не сказано совсем прямо; но, например, термин «тяжелая промышленность» заменен термином «производство средств производства», что может означать и производство таких средств производства, которые предназначены для производства средств потребления. Вопреки установившейся традиции в наименовании по важности отраслей тяжелой промышленности, постановление на второе место ставит химическую промышленность, перед которой ставится задача быстрого развития «особенно производства искусственного волокна, заменителей пищево-

го сырья, производства пластических масс, других синтетических материалов, а также искусственной кожи...»

Таким образом, вслед за сельским хозяйством и в промышленности явно просматривается линия экономической политики, которая очень сходна с политикой «крутого подъема», но на сей раз не на словах, а на деле. После этого можно с большой степенью достоверности утверждать, что значительные изменения в распределении национального дохода или, иначе говоря, поднятие жизненного стандарта населения стало предметом конкретной экономической политики партии.

Отсюда логически нужно ожидать следующего хода событий в ближайшем будущем:

1) Новый план (частично это делается уже сейчас) обеспечит значительный рост производства предметов и средств потребления. Весьма вероятно, что рост производства предметов потребления по темпам будет равен или даже станет несколько опережать тяжелую промышленность.

2) По мере накопления промышленных товарных фондов следует ожидать дальнейшего облегчения положения в колхозах, т. к. наличие большего количества товаров чисто промышленного производства даст возможность повысить заготовительные цены и значительную часть сельскохозяйственной продукции закупать на основаниях обычной торговли. Наиболее вероятно, поскольку колхозная проблема не состоит только из вопроса уровня заготовительных цен, что коллективное руководство в меру получения новых возможностей от промышленности будет постепенно менять внутреннюю сущность колхозов. Мне кажется не случайным опубликование Госполитиздатом решений пленума Польской Рабочей Партии, на котором решался вопрос польских колхозов. Это, как мне кажется, своеобразная подготовка «общественного мнения».

В итоге надо считать, что в течение ближайших 2—3 лет жизненный уровень населения СССР может довольно значительно возрасти. Он, конечно, не возрастет настолько, насколько обещают «коллективное руководство и лично т. Хрущев»; но можно думать, что острая нужда в пище, одежде и других предметах первой необходимости будет ликвиди-

рована. Значительно будет облегчено и положение с жильем.

Возвращаясь назад, напомним, что все это делается для того, чтобы в конце концов изменить в лучшую сторону «производственные отношения социализма» и убрать с пути развития этого самого социализма одно из самых грозных препятствий — некое подобие всенародной итальянской забастовки, уже приведшей к исчерпанию трудовых ресурсов и чреватое рядом огромнейших неприятностей, размер которых трудно переоценить. Так вот, возникает законный вопрос: могут ли результаты проводимых мероприятий изменить и улучшить «производственные отношения социализма» настолько, насколько этого требует чисто практическая необходимость?

На этот вопрос приходится ответить категорически отрицательно. Во-первых, вопрос желудка есть только одно слабое звено этих производственных отношений, а, кроме того, в конкретных условиях советской системы будет он решен только так, что откровенное прозябание будет заменено весьма невысоким прожиточным минимумом. Во-вторых, судя по событиям особенно последнего времени, в «производственных отношениях социализма» все больший удельный вес занимают вопросы духовного порядка, которые «коллективные» пока что и не собираются решать.

Все это обнаружится очень скоро, и так же скоро мы станем свидетелями новых решений, экспериментов и усилий, направленных к тому, чтобы выбраться из крайне затруднительного, угрожающего положения. Все эти попытки, логически рассуждая, могут идти только в том принципиальном направлении, которое изложено выше.

Если же развитие событий повернется в прямо противоположную сторону, то это будет означать не только полный провал и растерянность коллективного руководства, но и начало агонии советской системы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

22—29 июня с. г. состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум обсудил вопрос об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.

Пленум принял соответствующее постановление, которое сегодня публикуется.

Пленум вывел из состава членов Президиума ЦК и из членов ЦК КПСС тт. Маленкова, Кагановича, Молотова; снял с поста Секретаря ЦК КПСС и вывел из состава кандидатов в члены Президиума ЦК и из состава членов ЦК т. Шепилова.

Пленум избрал ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС в следующем составе :

Члены Президиума: тт. Аристов А. Б., Беляев Н. И., Брежнев Л.И., Булганин Н. А., Ворошилов К. Е., Жуков Г. К., Игнатов Н. Г., Кириченко А. И., Козлов Ф. Р., Куусинен О. В., Микоян А. И., Суслов М. А., Фурцева Е. А., Хрущев Н. С., Шверник Н. М.;

Кандидаты в члены Президиума: тт. Мухитдинов Н. А., Пospelов П. Н., Коротченко Д. С., Калинин Я. Э., Кириленко А. П., Косыгин А. Н., Мазуров К. Т., Мжаванадзе В. П., Первухин М. Г.

Пленум пополнил состав Секретариата, избрав Секретарем ЦК КПСС т. Куусинена О. В.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦК КПСС

Об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.

Пленум Центрального Комитета КПСС на заседаниях 22—29 июня 1957 года рассмотрел вопрос об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова, образовавшейся внутри Президиума ЦК КПСС.

В то время, когда партия под руководством Центрального Комитета, опираясь на всенародную поддержку, ведет огромную работу по выполнению исторических решений XX съезда, направленных на дальнейшее развитие народного хозяйства и непрерывный подъем жизненного уровня советского народа, на восстановление ленинских норм партийной жизни, ликвидацию нарушений революционной законности, на расширение связи партии с народными массами, развитие советской социалистической демократии, на укрепление дружбы советских народов, проведение правильной национальной политики, а в области внешней политики — на разрядку международной напряженности в целях обеспечения прочного мира; и когда достигнуты уже во всех этих областях серьезные успехи, о которых знает каждый советский человек, — в это время антипартийная группа Маленкова, Кагановича и Молотова выступила против линии партии.

С целью изменения политической линии партии эта группа антипартийными, фракционными методами добивалась смены состава руководящих органов партии, избранных на Пленуме ЦК КПСС.

Это не явилось случайностью.

В течение последних 3—4 лет, когда партия взяла решительный курс на исправление ошибок и недостатков, порожденных культом личности, и ведет успешную борьбу против ревизионистов марксизма-ленинизма как на международной арене, так и внутри страны, когда партией проведена большая работа по исправлению допущенных в прошлом извращений ленинской национальной политики, — участники раскрытой теперь и полностью разоблаченной антипартийной группы постоянно оказывали прямое или косвенное противодействие этому курсу, одобренному XX съездом

КПСС. Эта группа по существу пыталась противодействовать ленинскому курсу на мирное сосуществование между государствами с различными социальными системами, ослаблению международной напряженности и установлению дружественных отношений СССР со всеми народами мира.

Она была против расширения прав союзных республик в области экономического и культурного строительства, в области законодательства, а также против усиления роли местных Советов в решении этих задач. Тем самым антипартийная группа противодействовала твердо проводимому партией курсу на более быстрое развитие экономики и культуры в национальных республиках, обеспечивающему дальнейшее укрепление ленинской дружбы между народами нашей страны. Антипартийная группа не только не понимала, но и сопротивлялась мероприятиям партии по борьбе с бюрократизмом, по сокращению раздутого государственного аппарата. По всем этим вопросам она выступала против проводимого партией ленинского принципа демократического централизма.

Эта группа упорно сопротивлялась и пыталась сорвать такое важнейшее мероприятие, как реорганизация управления промышленностью, создание Совнархозов в экономических районах, одобренное всей партией и народом. Она не хотела понять, что на современном этапе, когда развитие социалистической промышленности достигло огромных масштабов и продолжает быстро расти при преимущественном развитии тяжелой индустрии — необходимо было найти новые, более совершенные формы управления промышленностью, раскрывающие большие резервы и обеспечивающие еще более мощный подъем советской индустрии. Эта группа зашла настолько далеко, что даже после одобрения указанных мер в процессе всенародного обсуждения и последующего принятия Закона на Сессии Верховного Совета СССР — она продолжала борьбу против реорганизации управления промышленностью.

По вопросам сельского хозяйства участники этой группы обнаружили недопонимание новых назревших задач. Они не признавали необходимости усиления материальной заинтересованности колхозного крестьянства в расширении производства продуктов сельского хозяйства. Они возража-

ли против отмены старого, бюрократического порядка планирования в колхозах и введения нового порядка планирования, развязывающего инициативу колхозов в ведении своего хозяйства, что дало уже свои положительные результаты. Они настолько оторвались от жизни, что не могут понять реальной возможности, позволяющей в конце этого года отменить обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов с дворов колхозников. Проведение этой меры, имеющей жизненное значение для миллионов трудящихся Советской страны, стало возможным на основе большого подъема общественного животноводства в колхозах и развития совхозов. Участники антипартийной группы вместо поддержки этой назревшей меры выступили против нее.

Они вели ничем не оправданную борьбу против активно поддержанного колхозами, областями, республиками призыва партии — догнать в ближайшие годы США по производству молока, масла и мяса на душу населения. Тем самым участники антипартийной группы продемонстрировали барски пренебрежительное отношение к насущным жизненным интересам широких народных масс и свое неверие в огромные возможности, заложенные в социалистическом хозяйстве, в развернувшееся всенародное движение за ускоренный подъем производства молока и мяса.

Нельзя считать случайным, что участник антипартийной группы т. Молотов, проявляя консерватизм и косность, не только не понял необходимости освоения целинных земель, но и сопротивлялся делу подъема 35 миллионов гектаров целины, которое приобрело такое огромное значение в экономике нашей страны.

Тт. Маленков, Каганович и Молотов упорно сопротивлялись тем мероприятиям, которые проводил Центральный Комитет и вся наша партия по ликвидации последствий культа личности, по устранению допущенных в свое время нарушений революционной законности и созданию таких условий, которые исключают повторение их в дальнейшем.

В то время как рабочие, колхозники, наша славная молодежь, инженерно-технические и научные работники, писатели, вся интеллигенция единодушно поддержали мероприятия партии, проводимые на основе решений XX съезда КПСС, когда весь советский народ включился в активную

борьбу за претворение в жизнь этих мероприятий, когда наша страна переживает мощный подъем народной активности и прилив новых творческих сил, — участники антипартийной группы остались глухими к этому творческому движению масс.

В области внешней политики эта группа, в особенности т. Молотов, проявляла косность и всячески мешала проведению назревших новых мероприятий, рассчитанных на смягчение международной напряженности, на укрепление мира во всем мире.

Тов. Молотов в течение длительного времени, будучи министром иностранных дел, не только не предпринимал никаких мер по линии МИДа для улучшения отношений СССР с Югославией, но и неоднократно выступал против тех мероприятий, которые осуществлялись Президиумом ЦК для улучшения отношений с Югославией. Неправильная позиция т. Молотова по югославскому вопросу была единогласно осуждена Пленумом ЦК КПСС в июне 1955 г. — «как не соответствующая интересам Советского государства и социалистического лагеря и не отвечающая принципам ленинской политики».

Тов. Молотов тормозил заключение государственного договора с Австрией и делу улучшения отношений с этим государством, находящимся в центре Европе. Заключение договора с Австрией имело важное значение для разрядки общей международной напряженности. Он был также против нормализации отношений с Японией, в то время как эта нормализация сыграла большую роль в деле ослабления международной напряженности на Дальнем Востоке. Он выступал против разработанных партией принципиальных положений о возможности предотвращения войн в современных условиях, о возможности различных путей перехода к социализму в разных странах, о необходимости усиления контактов КПСС с прогрессивными партиями зарубежных стран.

Тов. Молотов неоднократно выступал против новых шагов Советского правительства в деле защиты мира и безопасности народов. В частности, он отрицал целесообразность установления личных контактов между руководящими деятелями СССР и государственными деятелями других

стран, что необходимо в интересах достижения взаимопонимания и улучшения международных отношений.

По многим из этих вопросов мнение т. Молотова поддерживалось т. Кагановичем, а в ряде случаев т. Маленковым. Президиум Центрального Комитета и Центральный Комитет в целом терпеливо поправляли их, боролись против их ошибок, рассчитывая, что они извлекут уроки из своих ошибок, не будут настаивать на них и пойдут в ногу со всем руководящим коллективом партии. Но они продолжали оставаться на своих неправильных, неленинских позициях.

В основе позиции тт. Маленкова, Кагановича и Молотова, расходящейся с линией партии, лежит то обстоятельство, что они находились и находятся в плену старых представлений и методов, оторвались от жизни партии и страны, не видят новых условий, новой обстановки, проявляют консерватизм, упорно цепляются за изжившие себя, не отвечающие интересам движения к коммунизму формы и методы работы, отвергая то, что рождается жизнью и вытекает из интересов развития советского общества, из интересов всего социалистического лагеря.

Как в вопросах внутренней, так и в вопросах внешней политики они являются сектантами и догматиками, проявляют начетнический, безжизненный подход к марксизму-ленинизму. Они не могут понять, что в современных условиях живой марксизм-ленинизм в действии, борьба за коммунизм проявляются в претворении в жизнь решений XX съезда партии, в настойчивом проведении политики мирного сосуществования, борьбы за дружбу между народами, политики всемерного укрепления социалистического лагеря, в улучшении руководства промышленностью, в борьбе за всесторонний подъем сельского хозяйства, за изобилие продуктов, за широкое жилищное строительство, за расширение прав союзных республик, за расцвет национальных культур, за всемерное развитие инициативы народных масс.

Убедившись в том, что их неправильные выступления и действия получают постоянный отпор в Президиуме ЦК, который последовательно проводит в жизнь линию XX съезда партии тт. Молотов, Каганович, Маленков встали на путь групповой борьбы против руководства партии. Сговорившись между собой на антипартийной основе, они по-

ставили перед собою цель изменить политику партии, вернуть партию к тем неправильным методам руководства, которые были осуждены XX съездом партии. Они прибегли к интригантским приемам и устроили тайный сговор против Центрального Комитета. Факты, вскрытые на Пленуме ЦК, показывают, что тт. Маленков, Каганович, Молотов и примкнувший к ним т. Шепилов, став на путь фракционной борьбы, нарушили Устав партии и выработанное Лениным решение X съезда партии «О единстве партии», в котором говорится:

«Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд дает Центральному Комитету полномочия применять в случаях нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий, вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии. Условием применения к членам ЦК, кандидатам в ЦК и членам Контрольной Комиссии такой крайней меры должен быть созыв Пленума ЦК с приглашением всех кандидатов в ЦК и всех членов Контрольной Комиссии. Если такое собрание наиболее ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает необходимым перевод члена ЦК в кандидаты или исключение из партии, то такая мера должна быть осуществлена немедленно».

Ленинская резолюция обязывает Центральный Комитет и все партийные организации неустанно крепить единство партии, давать отпор любому проявлению фракционности и группировщины, обеспечивать работу действительно дружную, действительно воплощающую единство воли и действия авангарда рабочего класса — Коммунистической партии.

Пленум ЦК с огромным удовлетворением отмечает монолитное единство и сплоченность всех членов и кандидатов в члены ЦК, членов Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, единодушно осудивших антипартийную группу. В составе Пленума ЦК не было ни одного человека, который поддержал бы эту группу.

Оказавшись перед лицом единодушного осуждения Пленумом ЦК антипартийной деятельности группы, когда члены ЦК единодушно потребовали вывода членов группы из ЦК и исключения из партии, они признали наличие сговора, вредность своей антипартийной деятельности, обязались подчиниться решениям партии.

Исходя из всего изложенного выше и руководствуясь интересами всемерного укрепления ленинского единства партии, Пленум ЦК КПСС постановляет:

1. Осудить, как несовместимую с ленинскими принципами нашей партии, фракционную деятельность антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова.

2. Вывести из состава членов Президиума ЦК и из состава ЦК тт. Маленкова, Кагановича и Молотова; снять с поста секретаря ЦК КПСС и вывести из состава кандидатов в члены Президиума ЦК и из состава членов ЦК т. Шепилова.

Единодушное осуждение Центральным Комитетом фракционной деятельности антипартийной группы тт. Маленкова, Кагановича, Молотова послужит дальнейшему укреплению единства рядов нашей ленинской партии, укреплению ее руководства, делу борьбы за генеральную линию партии.

Центральный Комитет партии призывает всех коммунистов еще теснее сплотить свои ряды под непобедимым знаменем марксизма-ленинизма, направить все свои силы на успешное решение задач коммунистического строительства.

(Принято 29 июня 1957 г. единогласно всеми членами Центрального Комитета, кандидатами в члены Центрального Комитета, членами Центральной Ревизионной Комиссии при одном воздержавшемся — в лице т. Молотова).

ПРЕДЫДУЩИЕ СОСТАВЫ ПРЕЗИДИУМА
И СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС

(1952—1956 гг.)

1952 год (XIX съезд). Президиум ЦК КПСС: 1. Сталин И. В., 2. Андрианов В. М., 3. Аристов А. Б., 4. Берия Л. П., 5. Булганин Н. А., 6. Ворошилов К. Е., 7. Игнатьев С. Д., 8. Каганович Л. М., 9. Коротченко Д. С., 10. Кузнецов В. В., 11. Куусинен О. В., 12. Маленков Г. М., 13. Малышев В. А., 14. Мельников Л. Г., 15. Микоян А. И., 16. Михайлов Н. А., 17. Молотов В. М., 18. Первухин М. Г., 19. Пономаренко П. К., 20. Сабуров М. З., 21. Суслов М. А., 22. Хрущев Н. С., 23. Чесноков Д. И., 24. Шверник Н. М., 25. Шкирятов М. Ф.

Кандидаты в члены президиума: 1. Брежнев Л. И., 2. Вышинский А. Я., 3. Зверев А. Г., 4. Игнатов Н. Г., 5. Кабанов И. Г., 6. Косыгин А. Н., 7. Патоличев Н. С., 8. Пегов Н. М., 9. Пузанов А. М., 10. Тевосян И. Ф., 11. Юдин П. Ф.

Секретари: 1. Сталин И. В., 2. Аристов А. Б., 3. Брежнев Л. И., 4. Игнатов Н. Г., 5. Маленков Г. М., 6. Михайлов Н. А., 7. Пегов Н. М., 8. Пономаренко П. К., 9. Суслов М. А., 10. Хрущев Н. С.

1953 год, март (смерть Сталина). Президиум ЦК КПСС:

1. Маленков Г. М., 2. Берия Л. П., 3. Аристов А. Б., 4. Ворошилов К. Е., 5. Хрущев Н. С., 6. Булганин Н. А., 7. Каганович Л. М., 8. Микоян А. И., 9. Сабуров М. З., 10. Первухин М. Г.

Кандидаты в члены президиума: 1. Шверник Н. М., 2. Пономаренко П. К., 3. Мельников Л. Г., 4. Багиров М. Д.

Секретари: 1. Игнатьев С. Д., 2. Поспелов П. Н., 3. Шаталин Н. Н., 4. Хрущев Н. С.

1956 год (XX съезд). Президиум ЦК КПСС: 1. Булганин Н. А., 2. Ворошилов К. Е., 3. Каганович Л. М., 4. Кириченко А. И., 5. Маленков Г. М., 6. Микоян А. И., 7. Молотов В. М., 8. Первухин М. Г., 9. Сабуров М. З., 10. Суслов М. А., 11. Хрущев Н. С.

Кандидаты в члены президиума: 1. Жуков Г. К., 2. Брежнев Л. И., 3. Мухитдинов М. А., 4. Шепилов Д. Т., 5. Фурцева Е. А., 6. Шверник Н. М., 7. Козлов Ф. Р. (13. 2. 57 г.)

Секретари: 1. Хрущев Н. С., 2. Аристов А. Б., 3. Беляев Н. И., 4. Брежнев Л. И., 5. Пospelов П. Н., 6. Суслов М. А., 7. Фурцева Е. А., 8. Шепилов Д. Т. (13. 2. 57 г.)

В ПРЕЗИДИУМЕ ЦК КПСС И НА ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС В ИЮньСКИЕ ДНИ 1957 г.

(из итальянской коммунистической газеты «Унита» от 8. 7. 57 г.)

«В середине июня Молотов и Маленков потребовали срочного созыва заседания президиума ЦК КПСС будто бы для обсуждения текста речей на предстоящем праздновании 250-летия Ленинграда. 18-го июня заседание было созвано, хотя три члена президиума были в отъезде.

Молотов, Маленков и Каганович сразу же подняли иной вопрос, чем предполагалось: они заявили о необходимости снять Хрущева с поста первого секретаря ЦК КПСС, крайне нелестно характеризуя его политику. Были предусмотрены также и другие изменения в составе президиума.

Молотов, Маленков и Каганович требовали немедленного голосования, будучи уверенными в успехе. Сторонники же Хрущева заявили, что голосование по столь важному вопросу должно состояться в присутствии всех членов президиума. Тем временем президиум собрался уже в полном составе, и борьба между его членами продолжалась; противники Хрущева по-прежнему требовали немедленного голосования, сторонники же требовали созыва пленума ЦК для решения вопроса. Молотов, Каганович и Маленков заявили, что они согласны на созыв пленума, но после решения президиума, которое должно быть принято немедленно и немедленно же объявлено в печати и по радио.

Между тем о чрезвычайно важных разногласиях в президиуме узнали члены ЦК КПСС, проживающие в Москве. И вот 18 этих членов появились в здании, где происходило за-

седание президиума, и потребовали срочного созыва пленума ЦК.

Противники Хрущева, однако, и теперь продолжали настаивать на своем прежнем варианте, обвиняя явившихся членов ЦК в неуважении и в недоверии президиуму ЦК.

Пока шли переговоры, в Москву стали прибывать члены ЦК с мест. За один только день их прибыло 107. И противники Хрущева согласились, наконец, перенести дискуссию на пленум.

На пленуме, продолжавшемся несколько дней, обнаружилась уже полная изоляция группы Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова, после чего и было принято соответствующее постановление...»

Содержание

	Стр.
Ю. Терновский	
Что же происходит в верхах КПСС?	3
А. Авторханов	
Диктатура секретариата	23
К. Крылов	
Экономические проблемы КПСС	30
Приложения	
Информационное сообщение о пленуме Центрального Комитета КПСС	37
Президиумы и секретариаты КПСС с 1952 по 1956 гг.	45

Ю. Терновский

О СМЕЩЕНИИ МАРШАЛА ЖУКОВА

Когда эта брошюра уже находилась в наборе, маршал Жуков был снят с поста министра обороны СССР, а затем, несколько дней спустя, выведен также из членов Президиума ЦК КПСС и членов ЦК КПСС. Официальные мотивы смещения — «политическая несостоятельность», выразившаяся в том, что маршал Жуков «вел линию на свертывание партийно-политической работы в армии».

Что ж, судя по некоторым высказываниям Жукова в прошлом, он действительно был сторонником более полного единоначалия строевых офицеров и противником того положения в армии, при котором в ней существует специальный институт партийно-политических воспитателей и надзирателей.

Вот, например, выдержка из речи Жукова на всеармейском совещании отличников 16 марта 1957 г.:

«. . . Политическая сознательность наших воинов, их патриотизм проявляются прежде всего в высокой дисциплине, в строгом соблюдении ими требований военной присяги и уставов, в беспрекословном повиновении командирам.

. . . Сержант и старшина — это ближайший и непосредственный начальник солдата и матроса, их первый учитель и воспитатель».

(«Красная звезда» от 20.3.57)

Жукову, повидимому, представлялось, что советская армия, как инструмент партийной диктатуры, только выиграет, если функции замполитов будут переданы командирам; то есть, если командир станет единственно ответственным лицом и за строевую, и за морально-политическую подготовку своих подчиненных. Ведь почти все командиры — это тоже члены партии, как и политические работники в армии.

Думается, однако, что в данном вопросе, если рассматривать его с точки зрения интересов партийной диктатуры, правы противники Жукова, который действительно, — несомненно, сам того не желая, — расшатывал один из краеугольных камней коммунистического режима — принцип политического контроля над всеми специалистами (даже партийными) со стороны специалистов по такому контролю.

Но не это представляется главной причиной падения маршала Жукова. Главное состоит в том, что ЦК КПСС, — конечно, взвесив все выгоды и невыгоды пребывания во главе армии столь популярного полководца, как маршал Жуков, — увидел примат невыгод.

Судьи рассуждали, по всей вероятности, так: «Да, это хорошо иметь теперь на почетном месте опального в сталинское время маршала. . . Да, маршал Жуков действительно, как никто другой, пригодился бы на случай, если бы в критическую для коммунистического режима минуту пришлось бы звать армию на помощь (на случай, например, массовых антиправительственных волнений); для подобных случаев популярность маршала Жукова — фактор весьма положительный. . .

Но, с другой стороны, этот же маршал может как бы захмелеть от собственной славы и — то ли по личным мотивам, то ли по наущению внутрипартийных противников нынешнего политического курса, — попытаться использовать свою популярность в целях «дворцового переворота», рассчитывая при этом на вооруженную поддержку армейских оппозиционеров. . .

В общем, «культ личности» маршала Жукова, который в известном смысле и вправду имел и имеет место в довольно широких кругах, заставил ЦК КПСС насторожиться и пожертвовать выгодами пребывания Жукова во главе вооруженных сил и на верху партийной олигархии, пожертвовать ради устранения еще больших невыгод и потенциальных опасностей, вытекающих из факта популярности этого маршала.

. . . Пока что разыгран лишь один вариант из нескольких возможных в ходе политических событий. И до тех пор, пока маршал Жуков жив, не исключена возмож-

ность, что он вновь окажется на верху партийной олигархии, а его прокуроры, на этот раз убедившие пленум в необходимости пожертвовать Жуковым, окажутся жертвами.

Но такое возможно лишь при том условии, что Жуков реабилитирует себя от обвинений в бонапартизме, а Хрущев и прочие прокуроры, поднявшие дело о Жукове, к тому времени скомпрометируют себя в глазах олигархии приблизительно тем же, чем был скомпрометирован Жуков.

СУЩЕСТВЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

1. На стр. 12, в третьей строке снизу, напечатано: «снова оставит свой выбор», а должно быть: «снова остановит свой выбор».

2. На стр. 13, в четырнадцатой строке снизу, напечатано: «Иными словами, Хрущеву уверить», а должно быть: «Иными словами, Хрущеву удалось уверить».

3. На той же стр., в шестой строке снизу, напечатано: «истины, сталинский террор», а должно быть: «истины, что сталинский террор».

4. На стр. 16, в первой строке сверху, вместо слова «их» должно быть «них».

5. На стр. 24, в третьей строке сверху, напечатано: «Таблица показывает, что из 130 членов КПСС», а должно быть: «Таблица показывает, что из 130 членов ЦК КПСС».

